

**Литературная классика:
публикации, комментарии, отражения**

Сборник научных трудов

Под ред. С. С. Шаулова.

Уфа 2012

УДК 710
ББК 61.3
Л45

Литературная классика: публикации, комментарии, отражения. Сборник научных трудов. Под ред. С. С. Шаулова. – Уфа: Издательство БГПУ, 2012. – 102 с.

ISBN 978-5-87978-833-4

© Издательство БГПУ, 2012

Б. В. Орехов, М. С. Рыбина
Диахроническая семантика слова *invention* и французский поэтический язык

При всей размытости выражения «поэтический язык», интуитивно понятно, что те исследователи, которые употребляют этот термин, ведут речь о специфическом наборе используемых в поэзии языковых средств (прежде всего, слов) и стоящих за ними наборов значений, находящихся в сложном взаимодействии с авторским замыслом, художественной эпохой и традицией. Некоторые из них бросаются в глаза, становятся *signa temporum* для современных читателей и исследователей. Другие, хотя и не менее показательны для понимания исторических механизмов эволюции поэзии и её языка, не получают заслуженной славы.

Слово *invention*, в диахронической семантике которого, по сути, отражаются изменения самой концепции поэзии во французской литературе, первоначально находит применение в области риторики, смежной с поэтической сферой. «Риторическое описание тексто- (рече-) производства включает в себя составление трёх комплексов правил и вместе с тем (имплицитно) набросок трехэлементной модели текста: перечисляются “тематические” приемы (в области *inventio* изобретение), приемы по образованию текстовых единиц (в области *dispositio* разделение, композиции) и вторично языковые или стилистические приемы (в области *elocutio*), которые соответственно образуют один определенный уровень текста»¹.

Двумя взаимосоотносимыми компонентами семантики слова *invention* являются ‘изобретение, новация в научно-технической сфере’ и ‘имагинативная способность создавать новое, совершать поэтическое открытие’. Оба они сходятся в генерализующей идее «прорыва в неведомое». Этимологически *invention* связано со следующим кругом значений: ‘находка, обнаружение чудесного, необычного’, а историческое употребление лексемы, зафиксированной в первой половине XII века, относится прежде всего к поэтической сфере (данные TLF1). В зависимости от профильного употребления (наука и техника или литература и музыка) один из этих компонентов становится эксплицитным, а другой имплицитруется.

В XVII веке во Франции происходит оформление национального поэтического языка при непосредственном участии риторической культуры. Литературная и, что немаловажно, литературно-критическая сфера утверждается в качестве доминирующей среди культурных практик эпохи². Теоретическая мысль отводит *invention* главенствующую роль в построении текста. Так, например, в «Академии поэтического искусства» (1610) Пьер Демье посвящает ей главу IX, в которой повествует «об Инвенции, первом украшении поэзии, а также о диспозиции и элокуции, которыми инвенция совершенствуется»³ [Deimier 1610: 209]. *Invention* часто присутствует в критических разборах в качестве опорного элемента анализа: «Aussi, en poésie même, sous le rapport de l'Elocution, il repousse le vain cliquetis des mots, l'enflure de tant de poèmes ronflants et sonores c'est à l'Invention et à une bonne Disposition qu'il accorde le premier rang. Son motif, le voici: qu'un Architecte élève une maison, que le Peintre l'orne, lequel des deux aura le mérite d'avoir bâti la maison?»⁴ ‘Так в самой поэзии, в соответствии с правилами элокуции, он отказывается от пустого бряцания словами, от напыщенного стиля трескучих и громогласных поэм. Первенство же отдаёт инвенции и хорошей диспозиции. Его суждение таково: пусть Архитектор построит дом и пусть Живописец его украсит. Так кто же из них двоих стяжает тогда славу создателя?’ (Здесь и

¹ Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. С. 8.

² Виала А. Академии во французской литературной жизни XVII века // НЛЮ. 2002. № 54. С. 76-82.

³ Deimier P. de L'Académie de l'art poétique...: dédiée à la royne Marguerite. Paris: Chez Jean de Bordeaulx, 1610. P. 209.

⁴ Grisel H. Les fastes de Rouen: poème latin / révision et notes par M. Bouquet. Rouen: impr. de H. Boissel, 1636—1643. P. 31.

далее перевод авторов статьи, кроме специально оговоренных случаев).

В конечном счёте XVII век даже уравнивает понятия *invention* и сочинение, как это видно из названий изданных в то время книг¹. В этом значении *invention* встречается и в комедии Мольера «Мещанин во дворянстве»: DORANTE: J'ay donné pour vous l'ordre qu'il faut au Cuisinier, & à toutes les choses qui sont nécessaires pour le Ballet. Il est de mon invention²... (Le Bourgeois-gentilhomme). 'Дорант: Я от вашего имени отдал распоряжения повару, а также велел всё приготовить для балета. Я сам его сочинил' (Пер. Н. Любимова). Показательно, что в XVIII веке для обозначения сочинений какого-либо лица в книжном заглавии использовалось уже другое клише.

Благодаря этому видно, насколько близки друг другу во французском литературном метаязыке *invention* и круг смыслов, связанный с понятием авторства. В дальнейшем эта связь сохранится, хотя и не будет столь явной.

Несмотря на то, что *invention* может обозначать и хитроумное приспособление (например, «сделать изобретение, придумать какую-нибудь машину» в другой комедии Мольера «Проделки Скапена», I акт, сц. 2³), основная сфера его употреблений относится к риторической практике. *Invention/inventer*, в основном, трактуется как вымысел и чаще всего с положительным знаком — в том случае, если в соответствии с ценностной системой века ему сопутствуют мастерство и возвышенный, утончённый разум. Поэтому это слово часто входит в обязательный набор комплиментарных формул, характеризующих поэтов и писателей, как, например, в речи Фенелона при вступлении во Французскую Академию (31 марта 1693), где он говорит о своём предшественнике Пелиссоне: «il se hâtoit d'arriver à ce qui passa pour son chef-d'œuvre ; je veux dire l'histoire de l'Académie, il y montra son caractère qui étoit la facilité, l'invention, l'élégance, l'insinuation, la justesse, le tour ingénieux»⁴ 'он торопился приступить к тому, что станет главным трудом его жизни, я имею в виду Историю Академии. Здесь он проявил все свои достоинства: лёгкость, изобретательность, элегантность стиля, проницательность, точность, мастерство'.

В то же время *invention* может быть и сомнительным комплиментом: «Une des principales raisons qui m'a persuadé de vous envoyer ce Livre, a esté de vous faire voir quel avantage vous avez sur ceux mesmes qui ont esté formez à plaisir pour estre l'exemple des autres; & combien il s'en faut que l'invention des Italiens & des Espagnols ait pû-aller aussi haut que vostre vertu»⁵. 'Основной довод, который убедил меня отправить Вам эту книгу, заключался в стремлении показать, какое преимущество Вы имеете даже перед теми, кто был избран в качестве образца для подражания, а также то, что вымысел итальянцев и испанцев не смог превзойти Вашу добродетель'.

В критике заметно, по-видимому, уже ставшее традиционным употребление *invention* в отношении талантливого, гениального автора. В этом критерии «одарённости» обнаруживается следование античному канону «боговдохновенного поэта» (как он воспринимается XVII веком) в противоположность бездарным подражателям и трюкачам. Помимо этого инвентия становится синонимом социального заказа в избрании «правильных» сюжетов. Последнее значение может быть проиллюстрировано речью Рене Рапена «О сравнении Вергилия и Гомера», произнесённой 19 августа 1667 во Французской

¹ Sidère, pastorelle; Les amours de Sidère; Les amours de Pasithée; et autres Poésies du mesme auther / de l'invention du sieur d'Ambillou. Paris: impr. de R. Estienne, 1609; La Découverte du style impudique des courtisanes de Normandie, envoyé pour étrennes à celles de Paris. De l'invention d'une courtisane anglaise. Paris: N. Alexandre, 1618; La carline, comédie pastorale de l'invention d'Antoine Gaillard, Sr de La Porteneille, avec quelques autres pièces du mesme auther. Paris: J. Corrozet, 1626 и т.д.

² Molière. Le bourgeois gentilhomme, comédie-balet faite à Chambort, pour le divertissement du Roy. Paris: C. Barbin, 1673. P. 66.

³ Molière. Les Fourberies de Scapin // Les oeuvres de Monsieur Molière. T. 7. Paris: C. Barbin, 1673. P. 6.

⁴ Fénelon Fr. de. Lettre à l'Académie française sur la grammaire, la rhétorique, la poétique et l'histoire. suivie du Mémoire sur les occupations de l'Académie, du discours de réception et de la correspondance entre Lamotte et Fénelon sur les anciens (Nouv. éd.). Paris: E. Belin, 1879. P. 112.

⁵ Bouhours D. Pensées ingénieuses des anciens et des modernes. Paris: Vve de S. Mabre-Cramoisy, 1689. P. 334-335.

академии: «Mais si l'on considère combien il y a d'invention et d'esprit à avoir choisi un sujet qui fait descendre du sang des Dieux les Romains, de surtout Auguste <...>, quelle beauté, quelle grandeur, quelle perfection, quelle excellence, ne trouvera-t-on point dans le choix de Virgile»¹ 'Но если мы примем во внимание, сколько изобретательности и ума проявил поэт, избрав сюжет, повествующий о божественном происхождении римлян, имея в виду Августа, <...>, как можно не оценить красоту, величие, совершенство и превосходство выбора Вергилия'.

В целом, рациональный XVII век вспоминает об инвенции, когда нужно определить туманную область поэтического замысла и представить её на «географической карте» литературного пантеона. В художественных текстах *invention* появляется редко. Так, например, у П. Корнеля мы, скорее, обнаружим его в критической статье или речи, чем в трагедии: «ces ornements qu'il <poète> ajoute de son invention ne sont pas d'une nécessité absolue, et qu'il fait mieux de s'en passer tout à fait que d'en parer son poème contre toute sorte de vraisemblance»² 'эти украшения, которые поэт добавляет, основываясь на воображении, не являются абсолютно необходимыми, и лучше вовсе без них обойтись, чем нагружать им своё произведение вопреки всякому правдоподобию'.

«Поэтическое искусство» Н. Буало — один из центральных текстов XVII века, одновременно и поэтический, и критический, оформляет канон, аккумулируя в себе основные установки литературного узуса эпохи. У Буало *invention* фигурирует дважды и оба раза в оценочных суждениях в III главе в одном контексте с сочетанием *noble fiction* 'благородный вымысел'.

В первом случае автор ругает тщеславного поэта, который не признаёт авторитетов:

Virgile, au prix de lui, n'a point d'invention;

Homère n'entend point la noble fiction...³.

'У Вергилия, на его взгляд, нет воображения, / Гомер глух к возвышенному вымыслу'

Во втором случае Буало восхваляет идеального эпического поэта:

Ainsi, dans cet amas de nobles fictions,

Le poète s'égaie en mille inventions,

Orne, élève, embellit, agrandit toutes choses...⁴.

'Так, устремляясь в скопление великих вымыслов, / Поэт забавляется тысячей находок, / Украшает, возвышает, придаёт величие всякой вещи...'

Из приведённых стихов видно, что для Буало *invention* маркировано как положительная составляющая творческого акта и соотносится с понятием вымысла, но располагается уже на полпути к поэтической практике, представляя первую ступень воплощения замысла по шкале риторики.

В поэзии же чаще используется глагол *inventer*, который дальше от риторического круга смыслов и ближе к общеязыковому значению 'изобретения' в его «техническом» аспекте:

Il faudrait inventer quelque nouveau langage,

Prendre un esprit nouveau, penser et dire mieux

Que n'ont jamais pensé les hommes et les Dieux.

(Théophile de Viau «l'Élégie à une dame», 1621).

'Следовало бы изобрести новый язык, / Обрести новый разум, лучше думать и говорить, / Чем когда-либо думали люди и боги'.

Из приведённых примеров видно, что XVII век относится к *invention* осторожно и временами настороженно как к сфере наименее поддающейся регламентации, столь важной

¹ Rapin R. Discours académique sur la comparaison entre Virgile et Homère, récité, le XIX août 1667, dans l'assemblée qui se fait chez Mgr le Premier Président. Paris: T. Jolly, 1668. P. 8.

² Corneille P. Discours de la tragédie et des moyens de la traiter selon le vraisemblable ou le nécessaire // Corneille P. Œuvres choisies. T. 4. Paris: Treuttel et Würtz, 1831. P. 292..

³ Boileau N. Œuvres de M. Boileau-Despreaux, avec des éclaircissements historiques donnez par lui-même (et les remarques de Brossette). T. 1. Geneve, 1716. P. 332.

⁴ Ibid. P. 324.

для идеологии эпохи. С одной стороны, за инвенцией стоит авторитет риторической традиции, что делает её более «классической» и, следовательно, приемлемой в глазах критиков. С другой, будучи в гораздо меньшей степени, чем диспозиция и элокуция, формальным принципом, инвенция неявным образом предполагает наличие различных критериев оценки и неизбежное проявление субъективизма в семантической интерпретации. Иными словами, у каждой эпохи возможна своя инвенция при кажущейся преемственности значения.

Одновременно с этим нетрудно заметить, что структура значения *invention*, характерная для классической эпохи, повторяет понятийную структуру свойственной XVII веку концепции автора литературного произведения. Риторический «автор-ремесленник» (по контрасту с пришедшим ему на смену романтическим «автором-творцом») обязан подчиняться правилам и только на этом пути способен достигнуть успеха. В то же время следование образцам и установлениям — необходимое, но не достаточное условие. Без иррационального «таланта», который вносит некоторый элемент неопределённости в стройную схему классицизма, создать произведение искусства тоже невозможно. *Invention* также содержит в себе и рациональное начало (наследие риторической традиции), и скрытый плохо поддающийся описанию потенциал гениальности.

В следующем столетии доминирование «литераторов» в интеллектуальной жизни Франции стало менее очевидным, интерес к собственно филологическим дискуссиям ослабевает. Вектор движения отклоняется в сторону «практического знания». Обобщающим текстом просветительского XVIII века стала «Энциклопедия», поэтому естественно начать обзор именно с неё.

Посвящённая *invention* словарная статья открывается следующим определением слова: «S. f. (arts & Sciences) terme général qui s'applique à tout ce qu'on trouve, qu'on invente, qu'on trouve d'utile ou de curieux dans les Arts, les Sciences & les Métiers. Ce terme est assez synonyme à celui de découverte, quoique moins brillant...»¹ «сфера употребления (искусство и наука), общеупотребительное понятие, которое применяется ко всему, что открывают, изобретают, ко всему, что находят полезным или любопытным в сфере Искусств, Наук и Ремёсел. Это слово является синонимом “открытия”, хотя и менее блистательным...»

Однако автор статьи Луи де Жокур ограничивается главным обзором техническими изобретениями, хотя и упоминает искусства: «il faut remarquer que tout ce que nous avons de plus curieux & de plus utile dans les Arts n'a pas été trouvé dans l'état où nous le voyons à présent. <...> C'est ce qui paroît du-moins des inventions dont nous venons de parler ; & c'est ce qu'on peut prouver de celles du verre, de la boussole, de l'Imprimerie, des horloges, des moulins, des télescopes, & de tant d'autres»². «Следует заметить, что самые занятные и полезные открытия в сфере искусств не были изобретены такими, какими мы их знаем. <...> По крайней мере, так обстоит дело с открытиями, о которых мы будем говорить: изобретение стекла, компаса, книгопечатания, часов, мельницы, телескопа и многих других...»

Рассмотрение *invention* как термина риторики вынесено в отдельную статью, принадлежащую тому же автору: «INVENTION, (Rhétor.) c'est la recherche & le choix des pensées, des raisons, dont l'orateur doit se servir, des lieux qu'il doit traiter. L'invention est le premier des devoirs de l'orateur»³. «ИНВЕНЦИЯ (ритор.) поиск и выбор мыслей, суждений, которые использует оратор, общих мест, которые он разрабатывает. Инвенция — первая задача оратора».

Такое разведение по разным статьям двух значений слова *invention* свидетельствует о намечившемся их разделении. В то же время в определении де Жокура из первой статьи техническое изобретение и поэтическая находка объединены внутри одного понятия. Возможно, это отражает процесс постепенного освобождения искусства от риторической регламентированности.

¹ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... Vol. 8. 1765. P.848.

² Ibid. P. 849.

³ Ibid. P. 849.

В «Вопросах об “Энциклопедии”» (1770—1772) Вольтер, отталкиваясь от традиционного представления, указывает на *invention* как на определяющее качество гения. Гений — это всегда первооткрыватель, первопроходец, поэтому непросвещённая толпа и считает его живым богом. Но поскольку просветители видели свою задачу в ниспровержении всех богов, то и добросовестного преемника (честного ремесленника и профессионала) они ставили выше «гения-первопроходца»: «Ce terme de génie semble devoir désigner non pas indistinctement les grands talens, mais ceux dans lesquels il entre de l’invention»¹. ‘Думается, что слово гений обозначает не столько тех, кто обладает большим талантом, а скорее того, кто первым совершил открытие’.

Вольтер здесь вполне представитель своего века, который нехотя признаёт наличие одарённых натур и «первых изобретателей», но переносит акцент на суеверное восприятие экстраординарных способностей невежественной толпой. Философ стремится рационально объяснить происхождение образа «боговдохновенного поэта». Комментарий просветителей содержит скрытую полемику с античным каноном в идеологической сфере, что свидетельствует об изменении восприятия *invention* в сравнении с предыдущим столетием.

Итак, отдав долг вежливости «изобретателям», «гениям», философы XVIII века настаивают на том, что последователи, которые дорабатывают и реформируют, делают больше для блага человечества: «Lequel vaut le mieux de posséder dans maître le génie de son art, ou d’atteindre à la perfection en imitant & en surpassant ses maîtres? Si vous faites cette question aux artistes, ils feront peut-être partagés. Si vous la faites au public, il n’hésitera pas <...> Enfin chacun avouera pour peu qu’on ait de conscience que nous respectons les génies qui ont ébauché les arts, & que les esprits qui les ont perfectionnés sont plus à notre usage»². ‘Что лучше: быть первооткрывателем в своей сфере или достичь совершенства, подражая и превосходя своих учителей? Если Вы зададите этот вопрос людям искусства, то мнения, скорее всего, разойдутся. Если Вы спросите публику, она не станет колебаться. <...> Наконец, каждый согласится с тем, что, сколь бы мы ни были признательны гениям, сделавшим первые наброски в искусствах, нам более по вкусу умы, их усовершенствовавшие’.

Invention вновь появляется в литературном тексте в переходный период конца XVIII века. Речь идёт об эстетико-дидактической поэме А. Шенье «Изобретение» (*L’Invention*, 1787—1791), которую исследователи сравнивают с «Поэтическим искусством» Буало: «C’est, peut-être, dans le poème “L’Invention” qu’André Chénier exprime le mieux son avis sur l’imitation poétique»³. ‘В поэме “Изобретение” Андре Шенье наиболее полно выразил своё понимание поэтического подражания’. Однако произведение Шенье было опубликовано только в начале XIX века, таким образом, его подлинное воздействие на литературный процесс приходится уже на эпоху романтизма. Стоит подчеркнуть, что переход к новой концепции воображения происходит скорее в теории, тогда как поэтическая практика самого Шенье в основном подчинена нормам классицизма.

В XIX веке в семантике *invention* происходят заметные изменения. Сохраняя само слово в системе оценок, романтики делают его синонимом безграничного воображения, в то время как XVII и XVIII века стремились «дисциплинировать» его посредством риторики.

Как мы видели, в классическую эпоху, когда искусство слова представляло собой разновидность *τέχνη*, разграничения между литературно-художественной и научно-технической сферами просто не существовало. Оно оформляется только в XIX веке, чему, как нам представляется, способствовало появление закона об авторском праве и понятия «патент» (*brevet d’invention*, январь 1791 года), применявшегося в научно-технической сфере.

Романтики вырабатывают совсем иную концепцию авторства художественного текста, которая отражается и в семантических смещениях *invention*. «В центре романтической эстетики — творческий субъект, гений, убежденный в универсальности

¹ Voltaire. Questions sur l’Encyclopédie. T. 6, par des amateurs. Première [-Neuvième] partie. Genève: Cramer, 1770—1772. P. 254-255.

² Ibid. P. 256.

³ Murillo J. Un regard sur l’esthétique d’André Chénier // Revista de Lenguas Modernas, № 10, 2009. P. 78.

своего видения действительности»¹.

Invention, пожалуй, единственный компонент риторической системы, который сохраняет в романтической эстетике положительные коннотации. *Invention* противопоставляется «школе», «эпигонам», публике-толпе, критикам: «Tout ce qui porte le caractère de l'invention, tout ce qui dépasse d'un vol hardi le cercle des idées communes, étonne d'abord l'expérience, et déconcerte le jugement des sages <...> Mais c'est un des caractères du vrai génie <...> de témoigner autant de déférence pour les règles établies, qu'il fait paroître de hardiesse dans ses inventions»². «Всё, что несёт на себе отпечаток воображения, всё, что вырывается из тесного круга общих мест, сперва нарушает привычные взгляды и противоречит суждению мудрецов». «L'imitation est l'objet de l'art proprement dit; l'invention est le sceau du génie. Il n'y a certainement point d'invention absolue. L'invention la plus empreinte de hardiesse et d'originalité n'est qu'un faisceau d'imitations choisies. L'homme ne compose rien de rien; mais il s'élève presque au niveau de la puissance de création, quand d'une foule d'éléments épars il forme une individualité nouvelle, et quand il lui dit: Sois»³. «Подражание — это основное занятие искусства. Изобретение несёт на себе печать гения. Разумеется, не существует абсолютного изобретения. Самое смелое и оригинальное из них представляет собой лишь пучок отборных имитаций. Человек не производит ничего из ничего, но он почти переходит за грань возможного в творчестве, когда из множества разрозненных элементов он создаёт нечто цельное, единое и говорит: “Да будет!”».

Пример употребления *invention* можно обнаружить и у лидера французских романтиков В. Гюго в сборнике «Лучи и тени», где это слово естественно вписывается в систему романтической эстетики: «Dans ses drames, vers et prose, pièces et romans, il mettait l'histoire et l'invention, la vie des peuples et la vie des individus, le haut enseignement des crimes royaux comme dans la tragédie antique, l'utile peinture des vices populaires comme dans la, vieille comédie»⁴. «В свои драмы, стихи и прозу, в пьесы и романы он вложил знание истории и выдумку, жизнь народов и жизнь личности, возвышенный и назидательный показ королевских преступлений, как в античной трагедии, и поучительное живописание народных пороков, как в древней комедии». У В. Гюго есть и текст, озаглавленный «Invention» — V глава поэмы «Фанатики и религия» (Religions et religion, 1880).

En somme, vous avez fort peu d'invention.

Vous refaites le cercle ou tournait Ixion⁵.

В поздней поэме инвенция вновь составляет антитезу подражанию и повторению бывшего. Отказывая своим адресатам в этом качестве, Гюго косвенно маркирует *invention* как признак гениальности.

Любопытный пример представляет, на наш взгляд, поэма А. де Ламартина «Падение ангела» (La Chute d'un ange, 1836), поскольку здесь мы имеем дело с по-прежнему редким употреблением слова *invention* в стихотворном тексте:

Or ces chars, des mortels sublime invention,

Dans les âges voisins de la création

Où, sur les élémens conservant son empire,

L'art imposait ses lois à tout ce qui respire...⁶.

«Так, эти колесницы, возвышенный вымысел смертных,/ во времена, близкие к началу творения,/ когда через первоэлементы мироздания/ искусство утверждало свои законы над всем, что дышит...»

¹ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. М.: Наследие, 1994. С. 3—38.

² Chateaubriand F.-R. de Oeuvres complètes. T. 23. Paris: Pourrat frères, 1836—1839. P. 339.

³ Nodier Ch. Romans... Paris: Charpentier, 1873. P. 5.

⁴ Hugo V. Les Rayons et les ombres. 1840. P. 1019.

⁵ Hugo V. Œuvres complètes. Poésie T. XIV. Paris: J. Hetzel, 1880—1926. P. 193.

⁶ Lamartine A. de La Chute d'un ange // Lamartine A., Œuvres complètes. T. 5. Paris: C. Gosselin, Furne et Cie, 1842. P. 256.

Ещё со времён «Поэтического искусства» Буало французская поэтика предполагала семантическую обусловленность рифмы¹. Поэтому рифменная пара *invention—création* особенно репрезентативна. В данном контексте интересующее нас понятие увязывает воедино человеческую природу (*mortels*) и некоторый возвышенный абсолют (*sublime*), то есть в свёрнутом виде содержит в себе базовый романтический принцип.

Таким образом, начиная с романтической эпохи, два компонента значения *invention* существуют изолированно друг от друга, и дистанция между ними заметно увеличивается ко второй половине XIX века. У Бальзака мы обнаруживаем актуализацию как первого, так и второго компонента семантики, но в разных контекстах: «Cette histoire est une traduction imparfaite de quelques pages oubliées par les copistes dans le grand livre du monde. Ici, nulle invention»². «Эта история не более, чем слабый перевод нескольких страниц из великой Книги мира, забытых переписчиками. Здесь нет никакого вымысла»; «La récente invention du diorama, qui portait l'illusion de l'optique»³ «Недавнее изобретение диорамы, которая создавала иллюзию объёмного изображения».

Романтическая оппозиция «гений и эпигоны» сохраняет свою актуальность в семантике *invention* и позднее. Об этом пишет Бодлер в «Салоне 1846 года»: «Dans les écoles, qui ne sont autre chose que la force d'invention organisée, les individus vraiment dignes de ce nom absorbent les faibles; et c'est justice, car une large production n'est qu'une pensée...»⁴. «Школа — это не что иное, как организованная творческая энергия; в ее рамках любая личность, достойная этого слова, поглощает менее одаренных собратьев, и это вполне правомерно, ибо ее творчество — это единая идея, воплощенная тысячью рук» (Пер. Н. Столяровой и Л. Липман).

Новым этапом в эволюции *invention* стала поэзия сюрреалистов. Нам представляется, что это слово обладает для сюрреалистической поэтики определённой маркированностью, которая обусловлена комплексом важных для теоретиков сюрреализма понятий. «“Чудесное” будет часто заменяться в сюрреалистический текст (в том числе и самого Бертона) словами “магия”, “миф”, “окультурное”, “грёзы”, “сюрреальность” и др. Оно возникает как часть сюрреалистического канона в первом “Манифесте сюрреализма” 1924, который начинается с утверждения, что человек — “законченный мечтатель” (*l'homme, ce rêveur définitif*), и заканчивается раскрытием “тайн магического сюрреалистического искусства”. Сам термин “сюрреализм” в Манифесте содержит отголосок нервалевского “супернатурализма”, полного чудес, гораздо в большей мере, чем аполлинеровского “сюрреализма” из Предисловия к “Грудям Тиресия”»⁵. В Манифесте Бретон цитирует романтика Ж. де Нерваля, приводя фразу, представляющуюся ему особенно значимой для определения сюрреальности, которая содержит и слово *inventer* в значении сочинять, создавать текст: «Il est, vous le savez, certains conteurs qui ne peuvent inventer sans s'identifier aux personnages de leur imagination»⁶. «Как Вы знаете, существуют рассказчики, которые не могут сочинять, не отождествляя себя с персонажами, порождёнными их собственным воображением» (пер. Л. Андреева и Г. Косикова).

Двойственность семантики *invention* оказывается аналогичной совмещению традиционно-поэтического и «технического», о котором говорит в Манифесте сюрреализма

¹ ...Que toujours le bon sens s'accorde avec la Rime :

L'un l'autre vainement ils semblent se haïr ;

La rime est une esclave, et ne doit qu'obéir. (Boileau N. Oeuvres de M. Boileau-Despreaux, avec des éclaircissements historiques donnez par lui-meme (et les remarques de Brossette). T. 1. Geneve, 1716. P. 291).

Но рифма не должна со смыслом жить в разладе;

Меж ними ссоры нет и не идет борьба:

Он — властелин ее, она — его раба. (Буало Н. Поэтическое искусство. М.: Худож. литература, 1957. С. 56).

² Balzac de H., Scènes de la vie de province. T. 1. Eugénie Grandet. Bruxelles: L. Nauman, 1834. P. 265.

³ Balzac de H., Le Père Goriot. Paris: Werdet, 1835. P. 62

⁴ Baudelaire Ch., Salon de 1846. Paris: Michel Lévy frères, 1846. P. 194.

⁵ Энциклопедический словарь сюрреализма. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 525.

⁶ Breton A. Manifestes du surréalisme. Paris: Gallimard, 1962. P. 32.

А. Бретон: «Le merveilleux n'est pas le même à toutes les époques; il participe obscurément d'une sorte de révélation générale dont le détail seul nous parvient: ce sont les ruines romantiques, le mannequin moderne ou tout autre symbole propre à remuer la sensibilité humaine durant un temps»¹. 'Представление о чудесном меняется от эпохи к эпохе; каким-то смутным образом оно обнаруживает свою причастность к общему откровению данного века, откровению, от которого до нас доходит лишь одна какая-нибудь деталь: таковы руины времён романтизма, таков современный манекен или же любой другой символ, способный волновать человеческую душу в ту и ли иную эпоху (Пер. Л. Андреева и Г. Косикова)'. Указание на «современность» манекена подчёркивает его принадлежность к механистическому XX веку. Само это сочетание предельно удалённых друг от друга объектов вообще свойственно сюрреализму как художественной системе.

Как уже упоминалось, слово *invention* тяготеет к прозаическому корпусу текстов в большей мере, нежели к поэтическому, появляется чаще всего в литературно-критических сочинениях, в чём легко усмотреть наследие риторической традиции. Это суждение справедливо и в отношении сюрреалистов. Достаточно сказать, что на девять случаев употребления *invention* в истории дадаистско-сюрреалистического журнала «Littérature» только один приходится на поэтический текст («Агр» Т. Тцара). В остальных контекстах преобладание явно на стороне нехудожественных жанров: предисловие, ответ на анкету, протокол заседания круглого стола². Ещё один пример употребления *invention* в стихотворном тексте представлен стихотворением Поля Элюара «Изобретение» (*L'invention*) из книги «Повторения» (*Répétitions*, 1922). Механизм отношений заглавия и текста представляет собой аналогию тема-рематического членения: заданная в заглавии тема раскрывается в самом тексте, то есть стихотворение носит по отношению к заглавию «L'invention» иллюстративный характер (заметим, что такое же строение было и у эстетико-дидактической поэмы А. Шенье, где слово *invention* также фигурирует только в заглавии). Невозможность для лирического субъекта обнаружить в перечисленном («l'art du moyen âge, l'art décoratif, l'art de raisonner, l'art de bien raisonner, l'art poétique, l'art mécanique, l'art érotique» 'искусство Средневековья, декоративное искусство, искусство мыслить, искусство хорошо мыслить, поэтическое искусство, механическое искусство, эротическое искусство') то, что он любит, возвращает читателя к понятию *invention* через слово *trouvé* (ср. *trouvaille*,

¹ Ibid. P. 29

² "Chaque inventeur a ses inventions et ses découvertes"; "Dans un coin, l'homme qui ne sait pas lire et celui qui commande ses inventions à Dédé sont de l'Académie" (Критические «заметки» П. Элюара, *Littérature*. № 9. P. 31, 32) 'У каждого изобретателя свои находки и открытия'; 'В углу человек, который не умел читать, и тот, кто заказывал свои изобретения у Деде, были членами Академии'. "L'outrance de ses inventions me ferait plutôt croire à la non-réalisation de ses tendances érotiques. C'est une revanche du rêve sur la réalité." (Анкета А.-П. Ленормана, *Littérature*. №11. P. 24) 'Преувеличенный характер его изобретений заставляли меня подумать о его неудовлетворённых эротических желаниях. Это был реванш, взятый сном у реальности', "Mais à cette heure-ci, nous sommes tous conscients comme le prolétaire et nous n'avons plus d'autre invention ou mélange détonnant sous la main que d'appeler les choses par un autre nom" (Статья о дада А. Бретона, *Littérature*. №17. P. 10) 'Но в настоящий момент мы столь же сознательны, как и пролетарии, но у нас нет под рукой иного изобретения или взрывчатого вещества, нежели способность называть вещи другим именем'; "Les pires inventions, celles qui portent avec elles tout l'aspect d'un tracas banal ou de la plus touchante ingénuité, si je pense soudain qu'elles sont des inventions, que c'est inventions qu'elles me retiennent, si passagèrement, si mal que cela soit, ne vont pas sans jeter un grand trouble dans mon cœur. J'ai plusieurs fois éprouvé le sentiment panique à l'Exposition du Concours Lépine, où chaque année je reviens inexplicablement errer entre ces jouets idiots et ces petits trucs ingénieux qui rendent des services discutables aux ménagères. Il y a des passe-thés, des bobèches à ressort, qui m'effraient. Je vois l'homme qui y songea, je visite alors cet abîme" («Хроники. Изобретение» Л. Арагона в *Révolution surréaliste*, №1, 1924, P. 22). 'Когда передо мной самые плохонькие сочинения, банально беспорядочные или трогательно наивные, но я при этом способен осознать, что передо мною всё-таки сочинения, именно это свойство — придуманность, изобретённость — поражает меня, как бы эфемерны и нелепы они ни были; и моё сердце уже не может оставаться равнодушным. Я много раз испытывал паническое чувство на Выставках Конкур Лепин, куда я возвращаюсь, сам не знаю почему, каждый год и прогуливаюсь среди изобретений: дурацких игрушек и удивительных приспособлений, что оказывают весьма сомнительную службу домашним хозяйкам. Чайные ситечки, розетки подсвечника на пружине наводят на меня порой непреодолимый ужас. В такие минуты я пытаюсь представить себе человека, придумавшего всё это, и спокойно опускаюсь в пропасть' (Пер. Е. Д. Гальцевой).

трувер), вызывающее в памяти соответствующее семантическое поле. Таким образом, текст Элюара представляет собой запечатлённую рефлексию над выбором поэтической темы, поданную в форме обычного для сюрреалистов «каталога».

Позже Л. Арагон использует слово *invention* в эссе «Рифма в 1940 году» (*Rime en 1940*), где оно обозначает создание рифмы: «Qu'elle a été une invention humaine, un dépassement de l'expression par soi-même, et un progrès, cela est indéniable. L'extraordinaire est qu'un moment est venu où ce ne furent plus les ennemis de la poésie, mais les poètes qui la condamnèrent» 'Что она <рифма — Б. О., М. Р.> была человеческим изобретением, победой высказывания над собой и несомненным прогрессом, это очевидно. Удивительно, что наступил момент, когда сами поэты стали врагами рифмы'. Заметим, что в классической риторике рифма будет принадлежать скорее к сфере *elocutio* или *dispositio*. Её смещение в поле *inventio* придаёт рифме важный для поэта спиритуалистический план, исключённый из рационалистических поэтик и риторик.

Развивая мысль, основанную на аналогиях и метафорах (рифма-эхо и др.), Арагон обозначает сходство между поэтическим открытием и техническим изобретением: «Cependant les savants inventent le radium, découvrent l'hélium, l'iridium, le sélénium <...> Nous sommes en 1940. J'élève la voix et je dis qu'il n'est pas vrai qu'il n'est point de rimes nouvelles, quand il est un monde nouveau» 'Однако учёные открывают радий, обнаруживают гелий, иридий, селен <...> Мы в 1940 году. Я возвышаю голос и утверждаю: неправда, что нет новых рифм, когда есть новый мир'. Рассматривая историю рифмы и охлаждение к ней поэтов в XX веке, Арагон определяет новейшие литературные эксперименты, в частности, способы обновления рифмы, предпринятые Аполлинером, как практику уже знакомую по народнопоэтическому творчеству.

Его коллега по сюрреалистической группе поэт Ф. Супо возвращается к генерализированной семантике *invention* как «прорыву в неведомое» в эссе «О поэзии» (*Essai sur la poésie*, 1950), он пишет: «Le langage n'a été pour eux qu'un moyen de traduire l'univers et ils n'ont réussi à le traduire que lorsqu'ils ont "inventé" ou "réinventé" la poésie, quand ils ont proposé des images et des rythmes»¹. 'Язык был для них единственным средством перевести универсум. И этот "перевод" удавался лишь в том случае, когда у них получалось "создавать" и "пересоздавать" поэзию, предложить образы и ритмы'.

Так *invention* проходит путь от «благого вымысла» в XVII через понятие «полезного открытия» в просветительском XVIII до «печати гения» в романтическом XIX веке. Каждый из этих этапов запечатлевает основные идеологические установки эпохи. Параллельно с этим по-разному соотносятся «технический» и «имагинативный» компоненты значения термина. Недифференцированные в XVII—XVIII веках и резко противопоставленные в романтическом дискурсе, они снова сливаются в поэтической культуре авангарда в первой четверти XX в. Но на сей раз совмещение семантики происходит на новом уровне, не синкретическом, как в риторическую эпоху, а диалектическом, когда значения, соединяясь, сохраняют свой индивидуальный профиль, и необходимый сюрреалистам эффект достигается посредством столкновения, а не взаимопроникновения смыслов.

Как мы видели, *invention* — это одно из ключевых слов французского литературного метаязыка, в идеологической сфере соотносимое прежде всего с главенствующей в данную эпоху концепцией автора.

¹ Soupault Ph. *Poèmes retrouvées* (1918—1981). *Essai sur la poésie*. Paris: Lachenal et Ritter, 1982. P. 118.